

Андрей Шляхов

ПРИКЛАДНАЯ ВЕНЕРОЛОГИЯ

Андрей Шляхов

Прикладная венерология

«Автор»

2021

Шляхов А. Л.

Прикладная венерология / А. Л. Шляхов — «Автор», 2021

Разумеется, автор должен сообщить своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых идет речь в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны, но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может.

© Шляхов А. Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая. В начале славных дел	6
Глава вторая. Ординатура	11
Глава третья. Правильное учреждение	17
Глава четвертая. Роковое полотенце	22
Глава пятая. Все первичное вторично, а все вторичное первично	27
Глава шестая. Гипердиагностика	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Шляхов
Прикладная венерология
«Люди умирают не от любви, а от ее последствий»
Ги де Мопассан

Глава первая. В начале славных дел

– Ты сам не понимаешь, что творишь! – сердился отец. – На кой тебе сдался лечебный факультет?! Конкурс выше, лишний год учиться и никаких перспектив!

Мама придерживалась другой тактики – гладила непутевого сына по голове и ласково уговаривала не совершать «чудовищной ошибки». Согласно традициям, заложенным еще прапрадедом по отцовской линии, в роду Зубковых сыновья продолжали дело отцов – становились зубными врачами или стоматологами¹ и женились на зубных техниках. Никакого жесткого предписания по поводу женитьбы не существовало, просто так было очень удобно – в результате брачного союза рождалась не только новая ячейка общества, но и новая стоматологическая бригада.

– Ты же – Зубков! – напоминал отец. – Какой из тебя терапевт с такой фамилией!

Произнося слово «терапевт», отец презрительно кривил губы – ну что это за специальность?

Говорящую фамилию получил прапрадедущка Яков Давыдович, сын бердичевского сапожника, выучившийся на дантиста и перешедший в православие. Согласно семейному преданию, Яков Давыдович хотел сменить «сапожную» фамилию Шустер на Зубов, но чиновник, рассматривавший его прошение вставил посередине букву «к» и приписал на полях: «Жирно будет!». Понимать этот комментарий следовало так: нечего выкресту претендовать на славную дворянскую фамилию.

– Скажи своему главврачу, чтобы он уступил тебе свое место и шел кувалдой махать! – дерзко отвечал непутевый сын (главный врач поликлиники, в которой отец заведовал отделением, носил фамилию Кузнецов). – Фамилия – это наследственное родовое имя. Имя! А не профессия.

Устав негодовать, отец перешел к увещаниям.

– Ты еще очень молод, Миша, и многого не понимаешь. Например – не понимаешь, что продолжать династию выгодно. В институтах многому не учат, потому что есть важные знания, которые можно передавать только из уст в уста. Очень важно, чтобы в самом начале твоей карьеры рядом был опытный человек, который может указать правильный путь и предостеречь от ошибок, свойственных всем начинающим. А кто подходит на эту роль лучше родителей? Никто! Люди продолжают династии не из-за слепого следования традициям, а для того, чтобы иметь более выгодные стартовые условия.

– Именно так! – поддакнула мать, поочередно улыбаясь сыну и мужу. – Если ты станешь стоматологом, то мы тебя и пристроим на хорошее место, и поддержим, и клиентуру поможем набрать...

– Взять хотя бы меня! – отец стукнул себя кулаком в грудь. – Я заведу отделением в одной из лучших московских стоматологических клиник. Имею степень, уважение и солидную клиентуру. А кому я должен сказать за это «спасибо»? В первую очередь – моим родителям. Без их поддержки я работал бы сейчас в какой-нибудь окраинной зубодралке... И жил бы соответственно, а не так, как сейчас.

Мать страдальчески закатила глаза – не дай Бог такой жизни!

¹ Стоматолог и зубной врач – это не одно и то же. Стоматолог – это специалист с высшим образованием, окончивший стоматологический факультет вуза. Зубной врач – это, по сути, фельдшер, который получил среднее специальное образование и имеет право выполнять ограниченное количество относительно несложных манипуляций. (Здесь и далее примечания сделаны автором)

– Я все прекрасно понимаю, – ответил непутевый сын. – Но я не хочу быть стоматологом. Я не хочу всю жизнь стоять или сидеть в неудобной позе, не хочу ковыряться в зубах и, тем более, выдергивать их...

– Может, тебе вообще работать не хочется? – ехидно поинтересовался отец.

– Мне хочется другой работы, папа. Умственной и не настолько утомительной. Да и дедушка советовал...

– Да забудь ты то, что он советовал! – вспыхнул отец. – Дедушка по характеру был ворчун. Когда состояние здоровья вынудило его отойти от дел, стоматология ему сразу же разонравилась...

– Но это была психологическая реакция! – вставила мать. – Вполне закономерная. Сидеть без дела ему было скучно, а с больной спиной и дрожащими руками много не поработаешь. Но пока дедушка был здоров, стоматология его полностью устраивала.

– Еще бы! – хмыкнул отец. – У терапевтов заработки совсем другие, а работа гораздо беспокойнее. Пропустишь инфаркт или, скажем, пневмонию – и огребешь люлей по полной программе. Выпавшая пломба или даже необоснованно удаленный зуб на скамью подсудимых тебя никогда не приведут. Психологию тоже нельзя сбрасывать со счетов. Геморрой или камни в почках окружающим не видны, а зубы – они всегда на виду и по состоянию зубов судят о человеке. Это как визитная карточка...

Непутевый сын слушал, не перебивая, соглашался с родительскими доводами, виновато улыбался, но мнения своего не изменил. Не помог даже подкуп – в случае поступления на стоматологический факультет и успешного окончания первого курса отец пообещал сыну «приличную тачку». Марка не уточнялась, но приличное в понимании отца начиналось с тойоты RAV4.

– Не нужна мне машина, – ответил упрямый сын. – По Москве на транспорте передвигаться удобнее.

Отец выразительно посмотрел на мать и пожал плечами – ну что с ним будешь делать?

– Миша, может мы с папой чего-то не знаем? – проникновенно-вкрадчиво спросила мать. – Может, есть какая-то девушка, которая поступает на лечфак² и тебе хочется учиться вместе с ней?

– Мама! – строго нахмурился непутевый сын. – Я уже не ребенок! Мне семнадцать лет и профессию я выбираю без оглядки на девушек! Я хочу быть врачом, но не хочу иметь никакого отношения ни к стоматологии, ни к хирургии вообще. Мне это не нравится.

– Скажи иначе: «мне нравится быть бедным», – с сарказмом посоветовал отец. – Люди охотно платят за то, что сделано руками – за запломбированный зуб, вырезанный аппендикс или за аборт. А вот терапевтам за рекомендации платят туго и мало. Зачем вообще ходить ко врачу для того, чтобы узнать, как лечить гипертонию, если можно у соседа спросить или у Гугла? А вот зуб сам себе не запломбируешь, не говоря уже о чем-то более сложном.

– Терапевтом я быть не хочу, выберу себе какую-нибудь узкую специальность. Кардиологи с невропатологами тоже неплохо зарабатывают.

– Неплохо, – согласился отец. – Но в стоматологии заработки выше. Ты сравни стоимость клинической ординатуры по разным специальностям. Самая дорогая ординатура у стоматологов и гинекологов, но, при том, места нарасхват. Объяснить, почему так или сам догадаешься? И учти, что в кардиологии я тебе помочь не смогу. Да, конечно, знакомые у меня есть во всех сферах медицины, но только в стоматологии я знаю все ходы-выходы и ниточки, за которые

² «Лечфак» – сокращенное название лечебного факультета. Обучение на лечебном факультете продолжается 6 лет (на стоматологическом – 5). По окончании курса обучения выпускник получает квалификацию врача по специальности «лечебное дело».

нужно дергать для того, чтобы обеспечить моему единственному сыну светлое будущее. Учтите это, Михаил Владиславович!

Отец был довольно несдержан на язык, а у матери даже слово «дурак» считалось неприличным. Если папа награждал расшалившегося или провинившегося сынишку каким-нибудь ругательным эпитетом, то сразу же получал суровую нахлобучку от мамы. После нескольких семейных сцен отец в случае выраженного недовольства поведением сына стал обращаться к нему по имени-отчеству и на «вы». Против этого матери нечего было возразить, а сын понимал, что он переступил черту дозволенного.

– И проходной балл на лечфак выше! – добавила мать, не зная, чем еще можно пронять сына.

– Я прохожу, мама, – ответил сын, с тихой гордостью отличника-медалиста. – А если бы и не проходил, то поступил бы где-нибудь не в Москве, но на стомфак все равно бы не пошел. Не мое это.

– Поступай, как знаешь, – сдался отец, – но учти, что обратной дороги у тебя не будет. Когда-то можно было переходить с одного факультета на другой и менять специальности, как перчатки, но эту вольницу давно пресекли. Сейчас все строго регламентировано. Поступил на лечфак – навсегда расстался со стоматологией!

«Не связывайся, Миша, со стоматологией, будь она трижды неладна, – советовал дедушка Сережа. – Выбери себе чистую умственную специальность вместо того, чтобы ковыряться в вонючих ртах. Посмотри на меня – голова у меня варит хорошо, силы тоже есть, только остеохондроз немного досаждают. Но если бы я был эндокринологом или гастроэнтерологом, то преспокойно продолжал бы работать до сих пор, а не маялся от скуки дома. Да и вообще такое ощущение, будто всю жизнь у станка простоял... Вспомнить нечего, одни зубы, зубы, зубы... Так что подумай хорошо, Миша. Семь раз отмерь, а потом решай».

Дедушкины слова гармонично накладывались на первые детские впечатления, которые обладают стойкостью былинных богатырей. Когда Мише стукнуло шесть лет, мама сделала ему подарок, о котором он давно мечтал – показала ему поликлинику, в которой она с мужем работали. Родительская работа представлялась ребенку чем-то сказочно-волшебным и радостно-приятным. Иначе и быть не могло, ведь у него такие замечательные мама и папа...

Знакомство началось с зуботехнической лаборатории, в которой трудилась мама. Ничего волшебного здесь не оказалось. За скучными столами сидели скучные дядьки и тетki и делали какую-то скучную работу. Что-то шумело, что-то стучало, пахло чем-то неприятным. Не дослушав маминих объяснений, Миша потянул ее за руку к выходу – пойдём к папе!

У папы оказалось еще хуже. В длинном коридоре сидели и стояли хмурые взрослые люди, похожие на злодеев из сказки.

– Мама, почему они такие злые? – испугался Миша.

– Они добрые, Мишенька, – успокоила мама. – Просто у них зубы болят. Вот папа с коллегами их полечит, и они станут добрыми.

Миша ускорил шаг. Ему захотелось как можно скорее увидеть превращение злых людей в добрых. Это же чудо, настоящее чудо. Но реальность снова разочаровала. В кабинете, который отец делил с другим врачом, лежали на странных креслах люди с перекошенными лицами, а врачи засовывали им в открытые рты какие-то железки. По глазам пациентов было видно, что им это не нравится, а когда тот, с которым занимался отец, сплюнул в плевательницу кровью, Миша заорал во всю мочь и выскочил в коридор. Пережитый шок пришлось купировать мороженым и впоследствии, когда дело дошло до лечения своих собственных зубов, Мишу можно было затащить в стоматологическое кресло только обещанием мороженого в дозе «сколько влезет». И ничего так влезало – по четыре порции за раз. Мама озабоченно хмурилась, но поделаться ничего не могла, ведь обещания нужно выполнять. Только просила не торопиться и не заглатывать лакомство большими кусками.

Короче говоря, у Михаила Владиславовича Зубкова отношения со стоматологией не сложились с детства. Да и сам отец, беззаветно преданный своему делу, частенько называл свою работу «каторжной». Дважды на Мишиной памяти пациенты до крови прокусывали отцу пальцы. После каждого случая отец в течение полугода ходил смурной, регулярно сдавал анализы и спал на диване в гостиной. Мише было его жаль – ну что за люди такие? Кусаются, будто собаки! А пару лет назад Миша увидел, как отец украдкой пристально рассматривает растопыренные пальцы рук – уж не дрожат ли они, как у покойного деда? Нет уж, простите пожалуйста, дорогие родители, но не тянет вашего сына и наследника к стоматологии, несмотря на все плюшки и пряники. Не на ней одной белый свет клином сошелся и вообще...

И вообще Михаил Владиславович привык с малолетства жить своим умом, не прислушиваясь к посторонним советам. Даже если люди советуют от чистого сердца и искренне желают тебе добра, как, например, родители, то все равно их советы не могут считаться руководством к действию, ведь они смотрят на все со своих пеньков и руководствуются своими предпочтениями. Нет уж, с собственного пенька видно лучше, то есть – правильнее. В восьмом классе Миша точно решил, что он непременно станет врачом, потому что это очень хорошая профессия, и никогда не станет стоматологом, потому что есть профессии и получше. Неясно какие именно, но есть, в этом Михаил был твердо уверен. И сколько бы ни сокрушались родители – ну какая муха тебя укусила, сынок? – нужно настоять на своем. Потому что твоя жизнь – это твоя личная собственная жизнь, единственная и неповторимая. И как ты проживешь эту жизнь, зависит только от тебя самого.

С выбором специальности Михаил не спешил. Сначала надо поступить на лечфак и проучиться года три, если не четыре, а уже затем можно определяться, выбирать специальность себе по душе. До получения диплома можно менять свое мнение сколько угодно раз, но к моменту получения нужно определиться окончательно, чтобы поступать в клиническую ординатуру по нужному профилю. Отец прав, когда говорит, что в наше время нельзя менять специальности, как перчатки. Оно и правильно, специальность нужно выбирать, как и жену – один раз и на всю жизнь. Михаил давно решил, что на врача он жениться не станет, ни за какие коврижки. Иначе это получится не жизнь, а черт знает что, полное погружение в медицину. Взять, хотя бы, отца с матерью, которые и дома, и во время отпуска, говорят только о работе и рабочих проблемах. С одной стороны, вроде это и хорошо, ведь приятно работать вместе с близким человеком и постоянно чувствовать его поддержку. С другой же стороны жизнь не замыкается на одной лишь работе. Как говорил дедушка Сережа: «не живи для того, чтобы работать, Мишенька, работай для того, чтобы жить». Своим куцым детским умом Миша не мог понять всей мудрости дедушкиного наставления, но сердце подсказывало ему, что дедушка прав.

Большинство родительских знакомых имели отношение к миру стоматологии – одни лечили, другие изготавливали протезы, третьи торговали оборудованием и расходными материалами. Новость о том, что единственный сын Владислава Сергеевича и Ирины Михайловны поступил на лечфак Московского государственного медико-стоматологического университета, широко известного под неофициальным названием «третий мед», была воспринята знакомыми примерно так же, как воспринимается известие о чьей-то неопасной, но неприятной болезни – со сдержанным сочувствием. Михаил однажды услышал, как мамина подруга сказала маме: «Я тебя понимаю, Ирустик, но лечфак это все же не Лестех». Он запомнил это выражение и начал использовать его как щит против родительских укоров, которые время от времени приходилось выслушивать в прямой или завуалированной форме. Например, засядет он готовится к экзамену по анатомии, разложит на столе в раскрытом виде все тома синельниковского атласа,³ а отец мимоходом обронит, что на стомфаке анатомию изучают в сокращенном виде. Или же скажет сын в сердцах, что учеба его утомила, а мать напомнит, что на стомфаке учатся на год

³ Атлас анатомии человека профессора Р. Д. Синельникова.

меньше. Только отцовский однокурсник дядя Игорь, доцент кафедры ортопедической стоматологии Университета Дружбы народов, неожиданно одобрил выбор Михаила.

– А Миша-то у вас молодец, – сказал он родителям в присутствии Михаила. – С дальним прицелом парень. Настоящую карьеру в медицине можно сделать только с лечфаковским дипломом.

Родители на похвалу отреагировали кисло, потому что в роду Зубковых карьеристов никогда не было. В рядовых всю жизнь оставаться не стоит, но и высоко забираться тоже не следует, потому что чем выше заберешься, тем больше падать.

– Заведование отделением – это идеальный уровень, – говорил отец. – Я, как заведующий, могу следить за всем, что происходит в моем отделении и поддерживать в нем порядок. А главный врач уже не может уследить за всем учреждением, ему приходится полагаться на заведующих, среди которых попадают разные люди... Очень мне нужно отвечать за чужие ошибки? Нет уж, увольте!

Иногда отец объяснял свое нежелание подниматься выше заведующего отделением иначе.

– Заведование позволяет сохранять навыки и клиентуру. А у главного врача нет возможности работать с пациентами. Навыки быстро утрачиваются, клиентуры нет, так что в случае снятия с должности человек остается у разбитого корыта. В нашей поликлинике, к слову будь сказано, на моей памяти четыре главных врача сменилось, и всех «ушли» по-плохому...

По этому вопросу Михаил был полностью согласен с отцом. Отвечать нужно только за собственные ошибки, а клиентура – это самое ценное, что может быть у врача.

Огорчив родителей выбором факультета, сын радовал их своими успехами. Круглый отличник, активный член студенческого научного общества и вообще спокойный беспроблемный юноша – на бровях домой сроду не приползал, если ночует не дома, то непременно предупредит, сомнительных знакомых не имеет, связывать себя брачными узами до окончания учебы не намерен и вообще не сын, а подарок судьбы.

Когда Михаил на пятом курсе устроился медбратом в частную клинику, то родители решили, что это уже чересчур.

– Миша, ты у нас с мамой единственный ребенок, – сказал за ужином отец, – и мы, слава Богу, не бедствуем. Если тебе нужно больше карманных денег, то просто назови сумму. У мамы сердце кровью обливается от того, что после занятий ты, голодный и уставший, несешься в клинику и работаешь там до девяти вечера. Это очень похвально, что ты стремишься зарабатывать самостоятельно, но все должно быть в разумных пределах.

– Дело не в деньгах, а в практике, – ответил Михаил. – Хочется посмотреть на медицину изнутри и определиться с выбором специальности. Универ такой возможности не дает, там все словно бы через витрину. Что же касается «голодного и уставшего», то это, мама, твои заботливые выдумки. После занятий я плотно обедаю, а про усталость и говорить нечего – я же не лес валяю, а в аудиториях штаны протираю.

– Надеюсь, что ты обедаешь, как положено – с супом? – с надеждой спрашивала мать, строго придерживавшаяся старых взглядов, согласно которым обед без супа – это не обед.

– Непременно с супом! – честно отвечал Михаил, избегая уточнять, о каких именно супах идет речь; мама была сторонницей бульонов и шей-борщей, а сыну нравились густые, острые и жирные восточные супы, вроде харчо или шурпы.

Глава вторая. Ординатура

С расспросами относительно ординатуры родители начали приставать еще в конце пятого курса – пора, мол, и определиться уже, – но Михаил не спешил посвящать их в свои планы. Что толку делиться надеждами, особенно если есть вероятность того, что эти надежды будут встречены «в штыки»? Лучше поставить родителей в известность после, когда дело будет сделано. Рубикон перейден, пути назад нет, примите и смиритесь!

Родители почему-то решили, что Михаил будет поступать в клиническую ординатуру по кардиологии. Скорее всего, к такому заблуждению их подтолкнула премия имени академика Василенко, полученная Михаилом за научную работу, посвященную коррекции диастолической дисфункции левого желудочка⁴ у больных ишемической болезнью сердца. Большинство людей склонны делать выводы, не имея для этого достаточных оснований. Премия Михаила порадовала. Приятно, когда твою работу называют лучшей, да и тридцать тысяч рублей сумма солидная, но кардиологию он вычеркнул из перечня своих предпочтений одной из первых. Специальность хорошая, востребованная, перспективная в научно-карьерном плане, но не такая уж и «хлебная», как может показаться на первый взгляд. Но отец, находившийся в плену своих заблуждений, полюбил рассуждать о том, как хорошо в наш «сердечно-сосудистый» век иметь сына-кардиолога. Михаил слушал и вежливо улыбался. Родители истолковывали его молчание как согласие.

В честь получения сыном диплома отец устроил банкет. Михаил сопротивлялся этому как мог, язык стер, убеждая родителей в том, что лучше бы отпраздновать это событие в узком семейном кругу, тем более что кроме них троих никого оно особенно и не касается. Но отец был непреклонен в своем стремлении «закатить пир на весь мир». Мир – не мир, а собралось около полусотни гостей и каждый из них, поздравляя Михаила, поинтересовался планами на будущее. Планы уже дошли до той стадии, когда их можно было и огласить, но Михаилу не хотелось портить родителям праздник, ведь это был больше их праздник, чем его. Он получил высшее образование, а у родителей сбылась мечта – почувствуйте разницу.

Банкет устроили в субботу, а в воскресенье состоялось продолжение – торжественный обед в узком семейном кругу – родители, Михаил и персидский кот Тихон, которого больше интересовал не повод, а колбаса и селедка, без которых в доме Зубковых не обходилось ни одно застолье – отец любил пропустить рюмочку-другую под закуску, а уж затем переходить к главным блюдам. Хорошо понимая, кто в доме главный, Тихон усаживался рядом с отцом и сопровождал каждую поднятую рюмку душераздирающим мяуканьем, от которого кровь стыла в жилах. Для того, чтобы спокойно выпить-закусить, нужно было нейтрализовать свирепое животное очередной подачкой с хозяйского стола. Чаше всего отец, игнорируя укоряющий взгляд матери, ставил перед котом одну из тарелок с нарезками – уймись, зверь лютый!

– Можно подумать, что его не кормят, – вздыхала мать, наблюдая за тем, как упитанный десятикилограммовый котяра одним махом слизывает с тарелки ее содержимое.

– У него тоже должен быть праздник, – замечал Михаил и ставил перед Тихоном очередную тарелку.

– Ему же нельзя этого! – ужасалась мать.

– Он лучше нас знает, что ему нельзя, – успокаивал отец.

Оно и верно, от перченой бастурмы или промасленных шпрот Тихон презрительно отворачивался и смотрел на хозяев с укором – ну разве можно предлагать уважающим себя котам такую пакость?

⁴ Диастолической дисфункцией называется неспособность левого желудочка принимать кровь под низким давлением и наполняться без компенсаторного повышения давления в левом предсердии.

– Коллеги просто замучили меня вопросом о том, во сколько мне обошелся Мишин красный диплом, – сказал отец после первой рюмки. – А когда я отвечаю, что за все время ни копейки в универ не занес – не верят. Даже обидно немного. Неужели мой сын настолько глуп, что не мог получать пятерки самостоятельно?

– Стереотипы, – усмехнулся Михаил, вспомнив годы учебы. – Меня тоже постоянно спрашивали о том, сколько стоила очередная пятерка. Но мы-то знаем...

– Но мы-то знаем, что ты у нас умница! – подхватила мать. – Я уверена, что к тридцати пяти годам ты станешь дважды доктором!⁵

– И будешь заведовать отделением в Кардиоцентре! – продолжил пророчество отец. – А то и кафедрой, чем черт не шутит! Короче говоря, мы с мамой можем не беспокоиться по поводу наших сердечных дел! Ты нас вылечишь!

«Пора! – подумал Михаил. – Дальше тянуть нет смысла».

– Я думаю, то есть мне хочется верить, что мне никогда не придется вас лечить, – сказал он, стараясь говорить как можно мягче. – Я хочу...

– Да это ясно! – перебил отец. – Всем детям хочется, чтобы их родители никогда не болели! Но жизнь берет свое и от этого никуда не денешься. С одной стороны мы ощущаем себя молодыми, а с другой иной раз так прихватит, что хоть на стенку лезь!

– Да, – грустно вздохнула мама. – Это не жизнь берет свое, а прожитые годы. Не успеешь оглянуться, а тебе уже пятьдесят пять...

– Да, годы летят, – поддакнул отец. – Казалось бы еще вчера мы обмывали мой диплом, а сегодня уже твой.

– Вы меня не так поняли, – мягче прежнего сказал Михаил. – То есть так, но не совсем. Разумеется, я хочу, чтобы вы как можно дольше оставались здоровыми и полными сил, но в любом случае мне бы не хотелось вас лечить...

– Почему? – удивленно и немного обиженно спросил отец.

– Потому что я буду венерологом! – ответил Михаил.

– Венерологом? – переспросила мать. – Господи, какой ужас!

– Да он шутит! – отец понимающе усмехнулся и подмигнул сыну. – А ты поверила.

– Я не шучу! – Михаил посмотрел серьезным взглядом сначала на отца, а потом на мать. – Я действительно решил стать венерологом.

Последовала немая сцена. Сначала родители недоуменно смотрели друг на друга, а затем стали сканировать взглядами сына.

– А что тут такого? – с вызовом поинтересовался Михаил. – Нормальная специальность, не хуже других.

– Нормальная?! – завелся отец. – Как бы не так! Венерологи имеют дело с проститутками, сифилитиками и прочим отребьем! Нормальному человеку у венеролога делать нечего. Вот я, например, за всю свою жизнь ни разу не обращался к венерологу!

– Искренне рад за тебя, папа! – сказал Михаил. – Но насчет отребья ты преувеличил. Заболеть может каждый человек, даже самый нормальный...

– Вот уж не знаю! – фыркнула мать. – Среди наших знакомых никто у венерологов не лечится, я уверена.

– А я уверен в том, что ты ошибаешься, – возразил Михаил.

– Нет, не ошибаюсь!

– Давай проверим, – предложил сын. – Позвони пяти своим подругам и скажи, что ты неудачно развлеклась на стороне и теперь нуждаешься в лечении. Уверен, что трое из пяти, если не все пять, сразу же дадут тебе номер телефона знакомого венеролога.

⁵ То есть – доктором наук.

– Ты что – с ума сошел?! – возмутилась мать. – Зачем мне наговаривать на себя такие гадости? Владик, что происходит? Я не узнаю нашего сына!

– Ты уж действительно того... – укоризненно сказал отец. – Думай, что говоришь, филь-труй базар.

– Да я же никого не хотел обидеть, – растерянно сказал Михаил. – Я просто предложил произвести эксперимент...

В течение десяти минут разговор вращался по замкнутому кругу обвинений и оправданий, но в конечном итоге родители поняли, что их единственный сын в самом деле хочет стать венерологом.

– Объясни свои резоны! – потребовал отец. – Может мы с мамой чего-то не понимаем?

Резоны были обкатаны настолько, что слетали с языка автоматически.

– Во-первых, это весьма «хлебная» специальность, – Михаил загнул мизинец на правой руке, – во-вторых, это позитивная специальность – пациенты редко когда умирают от венерических болезней, – к мизинцу добавился безымянный палец. – В-третьих здесь есть широчайшие возможности для частной практики...

Когда все восемь резонов были перечислены, отец переглянулся с матерью и сказал:

– Добавь сюда девятое – твоя известность всегда будет теневой, тебя станут рекомендовать шепотом и с оглядкой. Ни один приличный человек открыто не признается в знакомстве с тобой...

– Папа, я не собираюсь баллотироваться в депутаты или куда-то еще, – возразил упрямый сын. – Мне широкая популярность ни к чему. Кому нужно, тот меня найдет, не сомневайся. А если хочешь убедиться, то позвони пяти своим приятелям...

Отец молча махнул рукой – утомонись, не стану я никому звонить!

– Дело не только в известности, но и в круге общения, – вмешалась мать. – Вот у нашего литейщика Вячеслава Алексеевича сын после юридического пошел работать в полицию оперативником. Соблазнился высокой зарплатой, социальным пакетом, льготами и всем прочим. И что же ты думаешь? Парень деградирует просто на глазах. Бедный Вячеслав Алексеевич буквально места себе не находит. Он мечтал, что сын станет известным адвокатом...

– Главная ошибка родителей заключается в навязывании детям своих приоритетов, – строгим тоном сказал Михаил. – Может, сыну Вячеслава Алексеевича больше нравится работать оперативником, чем адвокатом? И при чем тут круг общения, мама?

– Ну как при чем?! С кем общается венеролог? С проститутками, сифилитиками...

– И прочим отребьем! – закончил Михаил, улыбаясь.

– Вот именно! – нахмурилась мать. – И я не вижу здесь ничего смешного! Я родила тебя совсем не для того, чтобы позволить...

– Стать венерологом? – прищурился Михаил.

– Деградировать! – голос матери начал предательски дрожать. – Ну что за блажь?! Ладно, тебе не нравилась стоматология, это я еще могу понять. Но почему ты выбрал самый худший вариант из всех возможных?

– Действительно, – поддержал отец. – Тебе что, больше податься некуда с твоим красным дипломом? Да тебя на любой кафедре встретят с распростертыми объятиями!

– Давайте сделаем так! – предложил Михаил, чувствуя, что разговор снова рискует замкнуться по замкнутому кругу. – Я скажу вам три волшебных слова, и мы перейдем ко второй части Марлезонского балета, окей?

– Будет и вторая часть?! – ужаснулась мать.

– Он собрался жениться на дочери заведующего кафедрой дерматовенерологии! – предположил отец. – Ну что молчишь? Говори свои волшебные слова!

Из кухни доносился запах жареной баранины, которая уже явно перележивала в духовке, но родители не обращали на него никакого внимания.

– Мясо готово! – сказал Михаил, глядя на мать.

– Ах, да! – всполошилась та и умчалась на кухню.

Пока ее не было Михаил с отцом играли в молчанку. Отец смотрел на сына грозно, а сын на отца – ласково и с сочувствием. Худшая новость была впереди. Как и советуют психологи, Михаил начал с не очень хорошего чтобы затем перейти к совсем плохому.

Баранина и прилагавшиеся к ней овощи пахли настолько аппетитно, что Михаил решил сделать паузу. Уплетая за обе щеки, он дважды показал матери оттопыренный большой палец и один раз ободряюще подмигнул отцу – не все так плохо, когда вкусно кормят. Отец дождался, пока сын в измождении откинется на спинку стула, и спросил:

– Какие там у тебя три волшебных слова? Идите на ...?

– Ну что ты, папа! – укорил сын. – Слова совсем другие: «я так решил». Значит, так и будет. Комментировать бесполезно, возмущаться бессмысленно.

– Да – бесполезно и бессмысленно, – согласился отец. – Плавали – знаем!

– Мой сын – венеролог! – сказала мать, но развивать тему по новой не стала.

– Насколько я понимаю, бюджетная ординатура по дерматовенерологии тебе вряд ли светит, – сказал отец. – Можно узнать, в какую сумму обойдется нам это удовольствие?

Говорил отец неодобрительно, даже сварливо, но было ясно, что он готов оплатить «удовольствие», раз уж единственному сыну оно было нужно.

– Папа, ну ты же знаешь мои принципы! – усмехнулся Михаил. – Ваше с мамой участие в моем обучении закончилось на оплате репетитора по химии. Тебе моя ординатура ничего стоить не будет, потому что я нашел целевой вариант. Место выделено, направление получено, договор подписан.

– С одной стороны сын наш дурак дураком, – сказал отец, глядя на мать. – Не захотел идти по проторенной дорожке, решил податься в венерологи, но с другой стороны – правильный мужик. Сам решил – и сам все устроил, не напрягая родителей.

– Уж лучше бы напрягал, – горько вздохнула мать. – Разве ж мы против!

– Я против, – веско сказал Михаил. – Не хочу быть как Лешенька.

Лешенькой звали сына отцовского сослуживца, который стал в семье Зубковых притчей во языцех. Сорокалетний Лешенька, программист-фрилансер, сидел на шее у родителей и не желал с нее слезать. Если родители в чем-то не шли навстречу, то Лешенька устраивал показательные выступления на нем «я умираю» с вызовом скорой помощи и прощальными словами. Короче говоря, тот еще фрукт.

– И где же, если не секрет, ты раздобыл направление? – поинтересовался отец.

– В областном диспансере.

– Знаю-знаю, – кивнул отец. – Это на Щепкина, около МОНИКИ.⁶

– Нет, папа, – Михаил отрицательно мотнул головой. – Это на Большой Нижегородской улице в городе Владимире.

– Во Владимире? – хором переспросили родители.

– Да, во Владимире, – ответил Михаил. – По окончании ординатуры я должен буду отработать там пять лет и давайте не будем устраивать из этого вселенской трагедии, ладно? Владимир – в двух часах езды от Москвы, это не Хабаровск и не Владивосток.

– Ничего страшного, – успокаивающим тоном сказал отец. – От отработки можно отвертеться по состоянию здоровья. Помнишь, Ира, Сорокина-младшего? Ему светило три года каторги в Твери, но Юрка его отмазал...

– Я не хочу отмазываться от отработки! – в ответ на удивленные взгляды родителей Михаил добавил: – Со мной все в порядке, головой я вчера не ударялся и выпил мало. Если

⁶ МОНИКИ – сокращенное название Московского областного научно-исследовательского клинического института имени М. Ф. Владимирского.

вы не станете охать, ахать и уговаривать, то я вам объясню свои резоны. Только постарайтесь меня услышать, ладно?

Отец нахмурился – хамишь, сынуля! Мать сокрушенно покачала головой – ну что за день такой сегодня, один неприятный сюрприз за другим.

– Лично меня Владимир устраивает по всем параметрам, – начал Михаил. – Москва – хороший город, но врачей всех специальностей здесь явный перебор, и вы это хорошо знаете. Доктор на докторе сидит и доктором погоняет, при этом все друг у друга клиентов уводят. Возьмем, к примеру, клинику, в которой я работал во время учебы. Клиника была неплохая, даже очень. Там работали хорошие специалисты и установка была не на то, чтобы ободраить пришедшего лечиться, как липку, а на то, чтобы пациенты возвращались повторно. Люди работали на перспективу, а не на сиюминутную выгоду. И что бы вы думали? Повторно обращалось около пяти процентов, остальные утекали на сторону. Да и как иначе, если в нашем переулке рядом стояли две клиники и еще три находились в соседних?

– Все так, – согласно кивнула мать, – но Москва – это Москва. Здесь всем найдется дело...

– Поэтому сюда и едут со всей России! – подхватил отец. – Дедушка Сережа в свое время приложил немало трудов для того, чтобы перебраться из Ельца в Москву. Ему для этого пришлось развестись с женой...

Михаил прекрасно знал эту историю. В былые советские времена квартиры не продавались (во всяком случае официально), а обменивались и для того, чтобы обменять квартиру в Москву или Ленинград, нынешний Петербург, нужны были веские основания, просто так здесь не прописывали. Дедушке пришлось развестись с бабушкой и фиктивно жениться на какой-то москвичке. Прописавшись в ее квартире, дедушка развелся и снова женился на бабушке, которая, как жена москвича, получила право обмена трехкомнатной брянской квартиры на однушку в Марьиной Роще (лучшего варианта найти не удалось). После того, как обмен состоялся, дедушка выписался из квартиры своей бывшей фиктивной жены и прописался в бабушкину квартиру, которая его стараниями через несколько лет превратилась в трехкомнатную на Пятницкой улице, где сейчас жил с родителями Михаил.

– Умные люди едут в Москву, – сказал отец в завершение рассказа о дедушкиных мытарствах, – а те, которые не очень, уезжают в провинцию.

– Спасибо, папа, что напрямую дураком не назвал, – поблагодарил Михаил. – Но мне кажется, что я поступаю правильно. В провинции для умного врача... – он сделал ударение на слове «умного», – ...самое раздолье. Ну а если вдруг окажется, что я ошибся, то я вернусь.

– Через пять лет! – сказала мать, плотно поджав губы. – Пять лет! Это же целая вечность!

– До моего отъезда еще два года, – сказал Михаил примиряющим тоном. – Это тоже вечность. И вообще, когда-нибудь я женюсь и съеду от вас, дорогие родители. Мы станем встречаться по выходным. Какая вам разница, буду я приезжать в гости из Владимира или же из Бибирева? Я же не во Владивосток уезжаю, честное слово!

– Дело не в том, куда именно ты уезжаешь, – нахмурился отец. – Дело в том, что ты катишься по наклонной и этому не видно конца. Не перебивай! – отец предостерегающе поднял вверх правую руку. – Мы тебя выслушали, послушай теперь ты. Сначала ты решил поступать на лечфак. Ладно, мы с мамой это приняли, потому что любим тебя и уважаем твой выбор. Делай как хочешь, лишь бы тебе было хорошо. Я могу допустить, что тебе не нравится стоматология, но нравится венерология. Пусть так! На вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Но я не могу понять этой твоей готовности к переезду в провинцию. Это же не просто переезд из одного города в другой. Это потеря всего, что ты имеешь! Во Владимире ты будешь один-одинешенек! Случись что, мы с мамой сможем помочь только советом...

– Или деньгами! – вставила мать.

– Или деньгами! – повторил отец. – Но главное же не деньги, а связи! Предположим, тьфу-тьфу-тьфу, – отец постучал костяшками пальцев по столешнице, – что тебя обвинили

в халатности. В Москве у меня есть несколько знакомых адвокатов, есть знакомые в департаменте здравоохранения, есть и парочка криминальных авторитетов, на худой конец...

– Авторитеты-то тут при чем? – удивился Михаил.

– А при том, что их люди могут объяснить тому, кто пытается на тебя наехать, что земля круглая и ответки прилетают бумерангом, – объяснил отец. – Разные же бывают ситуации. Иногда и к уголовникам приходится обращаться, несмотря на то, что сейчас не девяностые годы. Когда угнали мамину машину кто ее нашел? Мой давний пациент из авторитетов, а не наша доблестная полиция. Машину на третий день пригнали к дому...

– А на переднем сиденье лежал огромный букет роз! – вспомнила мать и укоризненно посмотрела на отца. – Ты мне никогда не дарил таких букетов!

– Но я никогда и не угонял твою машину! – парировал отец и перевел взгляд на сына. – Ты должен понимать, что во Владимире или где-то еще за пределами Москвы тебе придется рассчитывать только на себя. Сейчас тебе кажется, что в этом нет ничего страшного...

– Но настанет день, и ты вспомнишь эти слова! – закончила мать.

Родители нагоняли саспенса, стараясь перешеголять друг друга. Город Владимир, вполне себе неплохое место, представал в их речах зловещим местом, в котором юного и неопытного столичного врача поджидали многочисленные неприятности из категории «страсти-мордасти». Когда прорицания дошли до того, что любимый сын не сможет найти себе во Владимире приличной девушки и будет вынужден жениться на какой-то вылеченной им сифилитичке, Михаил хлопнул ладонью по столу (вообще-то хотелось стукнуть кулаком, но постеснялся) и громко сказал:

– Стоп! С меня хватит! Если кто не заметил, то я уже вырос и скоро мне исполнится двадцать четыре года. Лермонтов в этом возрасте уже успел «Бородино» написать!

– А через три года его застрелили на дуэли! – добавила мать.

У мамы было потрясающее умение оставлять за собой последнее слово в любых ситуациях. Слушает-слушает, а потом как скажет – и наповал! Ни возразить, ни оспорить. И вроде бы при чем тут дуэль? А ничего умного на ум не приходит. Но у умного сына был давно заготовлен универсальный ответ, позволявший завершать на приятной ноте любые дискуссии с родителями.

– Я вас очень люблю, мама и папа! – Михаил улыбнулся во все тридцать два зуба. – Спасибо вам за то, что вы так заботитесь обо мне! Надеюсь, что смогу дать столько же тепла своим детям.

– А я надеюсь на то, что твой сын когда-нибудь скажет: «ну ее к чертям, твою венерологию, я хочу быть стоматологом, как дед!» – сказал отец.

«Пронесло!» – с облегчением подумал Михаил, только сейчас понявший смысл выражения «гора с плеч свалилась».

Глава третья. Правильное учреждение

Квартиру во Владимире Михаил начал подыскивать перед самым переездом – за две недели до начала работы в областном диспансере. Делать это раньше не было смысла. Нашел – так снимай, а платить за лишний месяц не хотелось. Да и вообще предложение во Владимире явно превышало спрос. Относительным дефицитом были окраинные однушки, сдававшиеся за смешные, с московской точки зрения деньги. Но Михаилу нужна была приличная двушка в районе площади Фрунзе, поблизости от диспансера. Опять же – молодой москвич, врач с постоянной работой, без маленьких детей и домашних питомцев являл собой наилучший вариант квартиранта. Однако, когда Михаил начал обзванивать сдатчиков, то получил один за другим шесть отказов. Один или два отказа можно было считать случайностями, но шесть отказов подряд, да при том заочных, по телефону – это уже система. Разговор начинался с бодрого «да, сдается» или осторожного «есть такая квартира», затем владелец или агент интересовался личностью Михаила и после короткого рассказа о себе следовал отказ, вежливый или резкий, но всегда категоричный.

– Могу ли я узнать, что вас не устроило? – спросил Михаил у седьмого сдатчика.

– А то не понимаете! – хохотнул тот и отключился.

Пришлось действовать хитрее. Молодой квартирант со стабильным заработком не мог вызывать у сдатчиков негативного отношения, это и ежу понятно. Врач – это тоже зер гут, вызывает расположение. Причиной отказа могли стать только московское происхождение или же специальность – всем собеседникам Михаил представлялся как врач-дерматовенеролог, которому нужна квартира возле областного диспансера.

Коренному жителю Владимира отказали восьмой и девятый сдатчики, стало быть, все дело в специальности. Десятому Михаил представился физиотерапевтом из областного центра лечебной физкультуры и спортивной медицины, который находился рядом с диспансером. Получил не только согласие, но и снижение суммы задатка. Если изначально владелец квартиры требовал оплатить вперед два месяца, то после сказал, что будет достаточно и одного. Михаил, не имевший обыкновения заключать важные сделки заочно, сказал, что ему нужно подумать. Он намеревался подобрать несколько вариантов, а затем приехать во Владимир утром буднего дня и до вечера решить вопрос окончательно.

– Давайте я вам десять процентов скину, чтобы лучше думалось, – предложил владелец. – И еще моя жена может у вас убираться занедорого. И еще обратите внимание на то, что дом сталинский, с высокими потолками и приличными соседями. Двор огорожен, машину в нем можно оставлять без опасений...

Михаил поставил этот вариант на первое место в списке из четырех квартир и ударил с владельцем по рукам сразу же после осмотра, настолько ему все понравилось, в том числе и владелец Олег Антонович, преподававший историю в лингвистической гимназии (была во Владимире и такая). Беда пришла оттуда, откуда ее Михаил не ждал. Родная сестра Олега Антоновича работала главной медсестрой центра лечебной физкультуры и спортивной медицины, в котором якобы предстояло работать Михаилу. Пришлось признаться в обмане.

– Меня лично квартирант-дерматовенеролог не пугает, – сказал Олег Антонович, – поскольку я – человек образованный и вдобавок имею родственников-медиков. Но большинство людей думает примерно так: «будут к нему всякие сифилитики ходить, заразу носить в мою чистую квартирку». Вы, кстати говоря, на дому принимать не собираетесь?

– Нет, не собираюсь! – честно ответил Михаил. – В этом отношении можете быть полностью спокойны.

Дедушка Сережа в Ельце принимал пациентов на дому. Одна из комнат, самая маленькая, была переоборудована в стоматологический кабинет, который одновременно служил и

бабушкиной надомной мастерской. Отец не раз вспоминал о том, как его в детстве будили ночные визиты пациентов. Вообще-то дедушка принимал до девяти часов вечера, но те, кого мучила острая боль (или острая дурь, такое тоже бывало) являлись и ночью к великому неудовольствию соседей – сначала шум на лестничной площадке, затем шум бормашины и крики-стоны в кабинете. Соседи не раз писали жалобы в разные инстанции, но дедушка лечил зубы всему местному начальству, поэтому жалобам значения не придавалось. Вспоминая об этом, отец каждый раз говорил: «Нет, на дому принимать нельзя, покоя не будет». Михаил хорошо запомнил эти слова. Да и потом венерологу тоже много чего нужно для приема – кушетка, смотровое кресло, куча разных инструментов, набор медицинской посуды, дерматоскоп,⁷ вагиноскоп,⁸ уретроскоп,⁹ портативный стерилизатор для инструментов, специальные лампы, бактерицидный рециркулятор...¹⁰ Потянет все это как минимум на четыреста тысяч рублей, если покупать новое, не бывшее в употреблении. А зачем городить такой дорогостоящий «огород»? Частных пациентов спокойно можно и на работе принимать. Ну а если уж клиенты пойдут валом, то можно арендовать помещение под кабинет, но ни в коем случае не устраивать его дома. Дома нужно отдыхать. Михаил еще никогда не жил один в своей отдельной квартире и теперь предвкушал, как он станет наслаждаться свободой... Нельзя сказать, что родители его сильно стесняли или замучили контролем, но все равно мысли об одиночном житье-бытье были приятными.

Поначалу Михаил, собиравшийся взять с собой во Владимир только самое необходимое, решил переезжать на поезде. По первоначальным прикидкам больше четырех чемоданов (три с вещами и один с книгами) у него не выходило. Однако же, начав собирать вещи, он понял, что вариант с поездом не прокатит и позвонил приятелю, заядлому охотнику и рыболову, у которого был фольксваген транспортер. Удобная штука – вмещает любое снаряжение и спать в нем можно вольготнее, как на домашней кровати. Переезд и празднование новоселья в узкой мужской компании состоялись в субботу, в воскресенье Михаил отходил от праздника и раскладывал вещи, а в понедельник утром явился к главному врачу областного диспансера.

Здесь его ждал сюрприз. Вместо добродушного пожилого дядьки, который выдал Михаилу гарантийное письмо, свидетельствующее о готовности трудоустроить его после окончания клинической ординатуры, в кабинете главного врача сидела коротко стриженная дама позднего балзаковского возраста. Взгляд у дамы был колюче-недружелюбным, а острые черты лица придавали ей сходство с хищной птицей.

– А где Василий Мефодьевич? – растерянно спросил Михаил.

– На пенсии! – отрезала дама и снова углубилась в лежавшие перед ней бумаги, не обращая никакого внимания на посетителя.

Выждав минуту-другую, Михаил негромко кашлянул. Дама оторвалась от бумаг и выжидательно посмотрела на него.

– Здравствуйте! – бодро сказал Михаил, коря себя за то, что ломанулся в начальственный кабинет, не обратив внимания на табличку у двери с именем и отчеством нового главного врача. – Я ваш новый сотрудник! Прибыл на отработку после прохождения целевой ординатуры.

– А-а, ясно, – флегматично сказала главный врач, не ответив на приветствие. – Ждали вас, а как же...

Минут пять она знакомилась с документами Михаила, причем делала это с обстоятельностью потомственного кадровика, разве что на свет бумаги не смотрела. Красный диплом не

⁷ Дерматоскоп – оптический инструмент для осмотра поверхностных поражений кожи.

⁸ Вагиноскоп – оптический инструмент для осмотра влагалища и шейки матки.

⁹ Уретроскоп – оптический инструмент для осмотра мочеиспускательного канала.

¹⁰ Бактерицидный рециркулятор – это устройство закрытого типа, предназначенное для обеззараживания воздуха в помещении, не наносящего вреда здоровью находящихся там людей.

вызвал у нее никаких эмоций, впору было думать, что сюда чуть ли не каждый день устраиваются отличники.

– Где хотели бы работать? – так же флегматично поинтересовалась главный врач, закончив с документами.

Ответ на этот вопрос был заготовлен заранее.

– Вам виднее, где меня лучше использовать, – улыбка и небольшая пауза, – но сам я больше тяготею к амбулаторной работе, а в ординатуре углубленно занимался венерологией.

Клинические ординаторы традиционно используются кафедральными сотрудниками в качестве бесплатной рабочей силы. Они проводят исследования и пишут статьи за своих старших товарищей. Сознательный ординатор Зубков никогда не отказывался «помочь», если речь шла о венерологии. В результате к окончанию ординатуры в его научном «багаже» лежало восемь статей, якобы написанных в соавторстве с ведущими столичными венерологами (на самом деле, все статьи, от первой до последней буквы, были написаны им самим, без посторонней помощи). Предметом особенной гордости Михаила была статья, посвященная комплексному методу лечения урогенитальных инфекций у мужчин, которую заведующий кафедрой посоветовал превратить в монографию. Но доцент Пустовойтов, числившийся основным автором статьи, почему-то не захотел связываться с монографией, а то бы у Михаила стало бы одним ценным соавторством больше. Но и так было хорошо. Помимо статей он трижды выступал с венерологическими докладами на авторитетных конференциях. Рассказывать о достижениях было долго и не факт, что дослушают до конца, поэтому Михаил заготовил перечень своих статей и докладов, который выложил на стол перед главным врачом.

– Значит, к амбулаторной работе расположены? – сказала главный врач, пробежав взглядом по перечню. – Очень хорошо. Пойдете в отделение профосмотров.

«Только не туда!», чуть было не вырвалось у Михаила.

Работа в отделении профилактических медицинских осмотров непыльная, но скучная, отупляющая и бесперспективная в плане набора клиентуры. Работаешь, словно на конвейере – осмотрел одного, написал «здоров» или не написал, занялся следующим... «Ни уму, ни сердцу, ни кошельку», как сказал бы отец. Диагностикой толком не занимаешься, лечением тоже, всего лишь отделяешь больных от здоровых. Стоило ли ради этого получать красный диплом, колотиться два года в ординатуре и заниматься научной работой? Михаил вообще не понимал, зачем на профосмотрах нужен врач? Там и медсестра превосходно справится. Кожа чистая? Анализы в порядке? Гнойные выделения отсутствуют? Здоров! Можешь работать!

– Надолго? – осторожно спросил Михаил.

В некоторых медицинских учреждениях врачи работали на профосмотрах вкруговую, по очереди, например – по одному месяцу в году.

– Там видно будет, – уклончиво ответила главный врач.

Михаил понял, что может просидеть на профосмотрах до конца своей отработки. Но по выражению лица главного врача было видно, что эта тетя не привыкла менять свои решения. «Я думаю, что торг здесь неуместен!», сказал внутренний голос. Михаил улыбнулся суровой начальнице на прощанье и пошел к кадровичке, которая оказалась увеличенной копией главного врача – та же стрижка, тот же взгляд, те же черты лица, только ростом повыше и в бедрах пошире.

– Повезло вам! – сказала кадровичка. – Сразу же попали на такое хорошее место!

– Я бы предпочел работать на приеме, – признался Михаил. – Профосмотры – это так уныло...

– Уныло! – хмыкнула кадровичка. – Ишь ты! Да это просто работа мечты! Никакой головной боли, никаких жалоб, отчетность простейшая и на выпивку тратиться не придется – принесут и спасибо скажут, что взяли. Многие из наших врачей с вами охотно бы поменялись...

– Скажите – кто? – быстро спросил Михаил. – Я готов!

– Мало ли что вы готовы... – кадровичка посмотрела на Михаила с ласковым сочувствием, как на слабоумного. – Все решает Марианна Витальевна! У нас так заведено.

Михаил немного воспрянул духом. Если здешние врачи считают профосмотры хорошей работой, то это облегчает переход в другое отделение. Одно дело, когда на твое место нет желающих, и совсем другое, когда они есть. «Все не так уж и плохо, – подумал Михаил. – Поработаю немного, осмотрюсь, разберусь в местных раскладах и что-нибудь предприму».

В былые бесконтрольные времена, давно канувшие в Лету, врачи, не боявшиеся профессиональной деградации и склонные к легким заработкам, охотно работали на профосмотрах и даже давали за свое назначение взятки главным врачам. Старшие коллеги рассказывали, как тогда была устроена работа. Доверенные люди приносили стопки медицинских книжек, в каждую из которых была вложена определенная сумма денег. Забрав купюры, врач писал в соответствующе графе «здоров», ставил штампик и расписывался. Красота-лепота – ни анализов сдавать не надо, ни на осмотр являться, только заплати. Но постепенно эту «малину» прикрыли. Контроль за действиями врачей ужесточился, а за заочные заключения стали давать реальные сроки, причем не только врачам, но и владельцам липовых медицинских книжек. Неужели во Владимире до сих пор сохранился былой бардак? Навряд ли, хотя кадровичка упомянула про то, что на выпивку Михаилу тратиться не придется, значит какой-то мелкий «левачок» здесь имеется... Но Михаилу Владиславовичу Зубкову был нужен не мелкий «левачок», а хорошая репутация и солидная клиентура. Ставки были высоки и размениваться по мелочам не хотелось.

На оформление бумажек ушло около часа. Кадровичка Ксения Ивановна, несмотря на свою внешнюю колючесть, оказалась приятным человеком. Она угостила Михаила чаем с пряниками и дала ему несколько советов.

– С главным врачом спорить нельзя, она этого не выносит. Если отчитывает, то не пытайтесь оправдываться, будет только хуже. Нужно признавать свои ошибки и обещать их исправить, тогда пронесет, отделаетесь устным выговором. А если спорить начнете, то можете и до увольнения dospopиться, были случаи... На работе ничего крепче чая пить нельзя, даже после того, как все дела закончены. У нас при старом главвраче с этим свободно было, потому что он и сам любил приложиться к бутылочке, так многие прямо с утра начинали квасить и к обеду были уже никакие. Марианна Витальевна была вынуждена жестко закрутить гайки, а она человек такой – если закрутила, то не ослабит. С перегарным выхлопом являться на работу тоже не советую. Курить можно в подвале, там есть специальный закуток...

– Я не курю, – сказал Михаил. – Да и спиртным особо не увлекаюсь.

– Значит, женщинами увлекаетесь! – уверенно сказала Ксения Ивановна. – Не бывает неба без облачка, а мужика без греха. К романам между сотрудниками Марианна Витальевна относится спокойно, с пониманием, лишь бы это работе не мешало. А вот амуры с пациентами сильно не одобряет.

– Да какие с ними могут быть амуры?! – удивился Михаил. – Не та ситуация...

– Бес, который под ребром сидит, ситуациями не интересуется, – усмехнулась кадровичка. – На моей памяти у нас четыре случая было, когда у врачей с их бывшими пациентами до брака доходило. Но если все серьезно, то никто и слова не скажет. А кобелировать налево-направо вам здесь не дадут, можете не надеяться. У нас – правильное учреждение!

Последняя фраза была сказана с великой гордостью.

– Я и не надеялся, – проворчал Михаил, у которого сложилось такое впечатление, будто он попал в монастырь.

Заведующий отделением профилактических медицинских осмотров Даниил Юрьевич оказался однокашником Михаила, окончившим Третий мед десятью годами ранее. После неизбежного в таком случае обмена воспоминаниями, Даниил Юрьевич хлопнул Михаила по плечу и с удовлетворением констатировал:

– Нашего полку прибыло!

– Если честно, то мне хотелось бы прибыть в другое отделение, – сказал Михаил. – Без обид, конечно.

– Какие могут быть обиды! – ответил начальник-однокашник. – Я тебя прекрасно понимаю. Сам согласился работать здесь только ради заведования. Где бы еще меня назначили заведующим на четвертом году работы? Вот посижу еще немного и двину куда повыше. А тебя порекомендую на свое место. Как тебе такая перспектива?

– Как-то не очень, – честно признался Михаил. – Карьера меня особо не увлекает, главное, чтобы работа была интересной, а на профосмотрах какой интерес? Одна тоска. Честно говоря, я не понимаю, почему главный врач отправила меня сюда. В отделе кадров сказали, что у вас много желающих на мое место.

– Желающие есть, – подтвердил Даниил Юрьевич. – Но тут вопрос психологический. Тем, кто хочет здесь работать, Марьяша такой возможности не предоставит, поскольку понимает, что мотивы у них... кхм... гниловатые. А тебя она сразу раскусила, поняла, что ты птица другого полета. Потому сюда и направила. Такая вот борьба противоположностей.

«Раскусила? – подумал Михаил. – Надо дать ей понять, что она составила обо мне неверное мнение. Выжду пару недель и подкачусь к ней с цветами-конфетами: «Ах, Марианна Витальевна, как я счастлив, что попал в отделение профосмотров! Спасибо вам огромное! Ура! Ура! Ура!». Должно сработать...»

Сработало замечательно. Спустя три дня Михаила перевели в поликлиническое отделение.

– Вот только обрадуешься хорошему человеку, как его сразу же забирают! – сокрушался Даниил Юрьевич. – Не понимаю я такого подхода, вот хоть убей.

«А что тут понимать? – удивлялся про себя Михаил. – Марианна Витальевна из тех «поперечниц», которых при утоплении следует искать не по течению, а против него. Если хочешь от нее чего-то добиться, то покажи, что тебе этого совершенно не хочется...».

Разумеется, Михаила посадили не на венерологический, а на дерматологический прием, но это быстро удалось исправить. Субботние дежурства в поликлиническом отделении распределялись с большим скрипом. Коллеги не имели желания работать по субботам – у кого-то дача требует присутствия, у кого-то семейное празднество запланировано, а кому-то для здоровья нужно отдыхать два дня подряд... После вывешивания графика на следующий месяц заведующую отделением начинали изводить упреками и просьбами.

– Юлия Геннадиевна, разве вы забыли, что я в прошлом месяце лишнюю субботу взял по вашей просьбе? Я надеялся, что вы учтете это при составлении графика!..

– Юлия Геннадиевна, у меня племянница шестнадцатого замуж выходит, а вы мне рабочую субботу поставили!..

– Юлия Геннадиевна, ну уж меня-то, как пенсионерку, можно было бы не запрягать по субботам?..

Понаблюдав за этой кутерьмой, Михаил сделал заведующей отделением предложение, от которого та не смогла отказаться – вы меня переводите на венерологический прием, а я за это обязуюсь работать по субботам, беспрекословно и постоянно. Свободного времени у Михаила было много, а уехать в Москву можно и после приема, который заканчивался в два часа.

– Ты продался в рабство ради служения Венере! – пошутил Даниил Юрьевич.

– Она этого заслуживает, – ответил Михаил. – Однозначно!

Глава четвертая. Роковое полотенце

К молодым врачам пациенты относятся настороженно, часто интересуются, где доктор учился и давно ли вообще работает. Обучение в столичном вузе и прохождение ординатуры в Государственном научном центре дерматовенерологии производили на пациентов хорошее впечатление, которое дополнялось солидными манерами Михаила. Для пущей солидности он попытался было отрастить бороду, но на восьмой день побрился – не понравилось. Ходить на работу в костюме и при галстуке тоже не очень-то нравилось, потому что Михаил предпочитал свободную одежду, но тут уж пришлось переступить через свои предпочтения. Имидж был продуман до таких мелочей, как «паркер», выглядывавший из верхнего кармана халата и парочка научных журналов на столе. Вообще-то Михаил знакомился с медицинскими новостями дома, в тишине и покое, но прочитанные журналы приносил на работу и держал на столе. Пациенты впечатлялись, когда доктор посреди приема раскрывал журнал, тыкал пальцем в статью и говорил: «Это как раз про ваш случай». Сразу понятно, что Михаил Владиславович лечит не по старинке.

С медсестрой Фаиной, бойкой дамочкой неопределённого возраста, Михаилу и повезло, и не повезло. Попросишь отнести в регистратуру карты или отыскать какой-нибудь анализ – пропадет, как минимум, на полчаса. Или скажет «я на минуточку», вроде бы в туалет, а на самом деле уйдет надолго. Но, с другой стороны, в одиночку работается свободнее, а это важное преимущество. Если нужна была приватность, Михаил давал Фаине какое-то «срочное» поручение и спокойно общался с пациентом. Сестринскую работу Михаил принципиально не делал, чтобы Фаина не разбаловалась окончательно. Отработанные карты перекладывал к ней на стол и просил пациентов подождать, пока придет медсестра и выпишет направления с рецептами. Исключения делал только для скандалистов-торопыг, которым дай все прямо сейчас, иначе они побегут жаловаться. Короче говоря, приспособился и был доволен. Даже Фаину болтливость использовал в рекламных целях – то расскажет, как в ординатуре поставил трудный диагноз быстрее профессора, то «по секрету» расскажет, что работает над монографией о лечении хламидиоза, то еще что-то в том же духе... Когда Фаина поинтересовалась почему «такой красивый и умный мужчина» до сих пор не женат, Михаил ответил, что собирается заняться устройством личной жизни только после защиты кандидатской диссертации. Убил одним выстрелом двух зайцев – лишний раз подтвердил свою серьезность (диссертацию пишет, ого!) и немного охладил пыл диспансерных незамужних дев, которые изрядно доставали своим вниманием. Самой активной была дерматолог Дроздова, сорокалетняя экзальтированная брюнетка, косившая под Анну Ахматову. Волосы она собирала в пучок на затылке, смотрела томно-многозначительно и постоянно куталась в кружевную вязаную шаль с длинными кистями, которая снималась на пять минут после очередного замечания заведующей отделением, а затем снова оказывалась на плечах.

– Я постоянно мерзну... – пожаловалась Дроздова при знакомстве. – От одиночества. Одиночество – это ледяная клетка...

Во взгляде ее явственно читался призыв: «сломай же клетку и согрей меня своей любовью!».

– Гемоглобин не проверяли? – неромантично поинтересовался Михаил. – Железодефицитная анемия часто протекает бессимптомно, только руки-ноги мерзнут.

Дроздова поморщилась, словно услышала какую-то пакость, поплотнее запахнула шаль и ушла в свой кабинет. Михаил понадеялся на то, что продолжения не будет, но сильно ошибся. Дроздова избрала беспроегрышную тактику – она подгадывала так, чтобы уйти домой одновременно с Михаилом и ему в течение четверти часа приходилось терпеть ее общество. Ладно

бы разговоры вела интересные, а то ведь несла всякую пургу. Например, посмотрит с загадочным прищуром и доверительно скажет:

– Я ноги не брею и подмышки тоже. Принципиально. Хочу, чтобы меня любили такой, какая я есть. Но *там* регулярно меняю антураж, потому что в женщине непременно должна быть изюминка.

Вот что на это можно ответить? Михаил молчал и улыбался.

На углу его дома, Дроздова зябко передергивала плечами и говорила:

– Сто лет мимо централа хожу, но все никак не привыкну. От него таким страданием веет, что сердце останавливается...

Эти слова звучали как предложение поднапрячься и проводить девушку до дому, чтобы ей не было страшно идти мимо Владимирского централа. «А вы на автобусе поезжайте, – вертелось на языке у Михаила. – Или перейдите на другую сторону улицы». Сам он ничего такого не ощущал. Ну – централ. Ну – одна из самых старых российских тюрем. Ну – решетки и колючая проволока. Ну и что с того?

Уяснив, что к себе домой Михаила заманить не получится, Дроздова решила напроситься в гости. На подходе к дому Михаила вдруг ойкнула и сказала, что подвернула ногу, да так, что ступить больно. Михаил заботливо усадил ее на ближайшую скамейку, вызвал такси и галантно заплатил водителю столярник за доставку травмированной страдальцы домой. Столярник ему Дроздова назавтра вернула с таким трагическим видом, будто отдавала последние деньги. Ах, можно подумать...

Другие претендентки были посдержаннее. Строили глазки, угощали чем-то самопечным, норовили прижаться бедром на собрании. Но, по крайней мере, до дому не конвоировали, в гости не набивались и интимностями не делились.

Напутствуя сына перед отъездом во Владимир, отец сказал:

– Молодой специалист должен быть не как все, а лучше всех! Не упускай шансов!

Легко сказать: «не упускай». А что делать, если их нет? С пациентами тоже не все было гладко. Состоятельные люди и вообще весь местный солидный предпочитал обращаться к своим, хорошо знакомым врачам, а не к какому-то залетному молодому человеку из Москвы. «Ничего! – говорил себе Михаил. – Всему свое время... Все будет... Все будет хорошо и даже очень».

«Первой ласточкой» стал главный художник местного драматического театра, который гордо именовался «академическим».

Войдя в кабинет, художник посмотрел на Михаила так многозначительно, что он сразу же попросил Фаину отнести в регистратуру отработанные карты. Когда Фаина ушла, пациент закатил глаза к потолку, покачал головой и сказал:

– Какое счастье, что вы здесь работаете!

Михаил от таких слов немного прибалдел – надо же, оказывается у него уже составила репутация. Но следующей фразой пациент вернул его с небес на землю.

– К местным врачам я обращаться не хочу, потому что меня знает весь город...

История была старой, как мир, и банальной как салат оливье. В театр заявила юная корреспондентка «Российского театрального журнала», которая сразу же очаровала пятидесятилетнего Олега Александровича. Он предложил ей поужинать вместе, после ужина был секс, а через несколько дней появилось чувство жжения при мочеиспускании и прочие прилегающие к этому ощущению симптомы. Ладно бы это, но до появления жжения Олег Александрович имел близость со своей законной супругой, которую горячо любил и сильно уважал (иначе говоря – побаивался). Симптомы у супругов появились практически одновременно...

– Сам не знаю, как все это случилось, – вздыхал Олег Александрович. – Бес попутал! На ужин я ее приглашал без задней мысли, просто хотелось, чтобы у девушки остались хорошие впечатления о театре. Вы же понимаете, что чем лучше впечатления, тем хвалебнее статья... А

потом как-то само собой сложилось... Боже мой! Вы бы видели сейчас мою Машу! Впрочем, завтра вы ее увидите, мы вместе к вам придем... Сегодня я пришел, так сказать, на разведку, договориться о том, чтобы лечение было анонимным... А, может, не мы к вам, а вы к нам придете, а? Домой, за отдельную плату...

– Нет, на первый раз лучше уж вы ко мне приходите, – ответил Михаил. – Надо будет сдать кровь, мазок... Насчет огласки можете не беспокоиться, из нашего учреждения ничего на сторону не выносится...

– Может и так, – хмыкнул Олег Александрович, – но даже сам факт прихода в ваше учреждение уже компрометирует.

– Почему? – удивился Михаил. – Может вы с аллергическим дерматитом пришли?

– Впрочем, это не так уж и важно, – Олег Александрович отчаянно махнул рукой, словно прощаясь со своим добрым именем. – Меня другое волнует – как мне теперь смотреть в глаза Маше? Как сохранить семью? Она же может и на развод подать, а я без нее жить не могу! Мы уже двадцать три года вместе, сыну двадцать лет... Если бы я в баню ходил или бы уезжал куда-нибудь недавно, то можно было бы придумать версию с бытовым заражением...

– Не прокатит, – покачал головой Михаил. – Бытовое заражение сифилисом можно обосновать, а вот уретрит – нет. Неубедительно будет.

– Надеюсь, что сифилисом она меня не наградила! – Олег Александрович истово перекрестился, а затем трижды символически сплюнул через левое плечо.

Михаил сдержал улыбку. Его забавлял страх широких масс перед сифилисом. Да, когда-то давно, до появления антибиотиков, сифилис был весьма грозным заболеванием. Но сейчас он лечится легче уретрита. Возбудитель сифилиса бледная трепонема – та еще неженка, ранимая и не умеющая хорошо защищаться. Если правильно выбрать антибиотик и назначить его в адекватной дозировке, то трепонемы быстро гибнут. А вот с хламидиями иногда просто не знаешь, что делать.

– Мы все проверим и все вылечим, – успокаивающим тоном сказал Михаил. – Главное, чтобы вы с супругой лечились вместе, синхронно...

– Главное, чтобы до развода не дошло, – закручинился Олег Александрович. – У меня тогда вообще вся жизнь под откос пойдет, и в моральном смысле, и в материальном. Я хоть и главный художник театра, но зарабатываю немного, у Маши прибыльный бизнес. Знаете ресторан «Максим Максимыч» на Княгининской? Это наш, то есть Машин. А еще у нее три пиццерии «Мамбо неаполитано»...

В одной из упомянутых пиццерий Михаилу бывать доводилось, а пафосный хрустально-белоснежный «Максим Максимыч» он обходил стороной, предпочитая более демократичные заведения вроде паба «Четыре пивовара».

– Может, можно что-то придумать? – Олег Александрович с надеждой заглянул в глаза Михаилу. – Вы же врач, в Москве учились...

«Да хоть бы и в Париже, – подумал Михаил. – Ну что тут можно придумать?».

Олега Александровича ему было искренне жаль. Видно, что не ловелас он прожженный и не кобель записной. Ну – согрешил разок, было дело. И из-за этого жизнь под откос?

– Моя благодарность была бы просто безграничной... Как и моя признательность...

По Олегу Александровичу чувствовалось, что с благодарностью он не кинет. Михаил уже научился отличать потенциальных кидал от честных людей. Опять же – первый пациент из числа местной элиты, причем работающий в таком клиентурно-перспективном месте, как театр. Недаром же говорят, что травматологов кормят спортсмены, а венерологов – богема. На добычу помочь. Но как?

Озарение пришло в тот момент, когда Олег Александрович достал из кармана бумажник и показал Михаилу фотографию своей Маши. Михаил не понимал традиции ношения фотографий близких людей в бумажниках, но и от нее, как оказалось, может быть польза.

При взгляде на Машу, немного похожую на артистку Ходченкову, Михаил придумал, как Олег Александрович сможет выйти из сложной ситуации без потерь.

– В принципе, можно представить дело так, будто не вы заразили жену, а сами заразились от нее, – задумчиво сказал Михаил.

– Да вы что, доктор! – затрепыхался Олег Александрович. – У меня язык не повернется сказать Маше такое! Это будет чудовищное оскорбление! Маша просто идеальная жена, за всю жизнь она не дала мне ни малейшего повода к ревности или каким-то подозрениям. Да после этого она со мной наверняка разведется...

– У вас с сыном хорошие отношения? – спросил Михаил.

– В общем-то нормальные, – Олег Александрович удивленно поднял брови. – Мы с ним дружим, он хороший парень...

– Живет он с вами?

– Да, у нас пятикомнатная квартира, всем места хватает.

– Давайте сделаем так, – предложил Михаил, посмотрев на часы. – Я сейчас выпишу направления на анализы для вас с супругой, а вы пока позвоните сыну и договоритесь с ним о встрече где-нибудь поблизости. Я заканчиваю через двадцать минут, пусть он поторопится. Скажите, что разговор срочный, вопрос жизни и смерти.

– А Саня-то тут при чем? Вы можете объяснить?

– Вот встретимся – и объясню, – пообещал Михаил. – Если он согласится вам помочь, то все будет хорошо.

– Конечно согласится! – заверил Олег Александрович, доставая из кармана пиджака мобилу.

Встречу он назначил в заведении с чудным названием «Барон и Фараон», о котором Михаил не знал, потому что оно находилось в стороне от его обычного маршрута. Если Олег Александрович выглядел типичным интеллигентом, имевшим полный набор «видовых признаков», начиная с очков и заканчивая таким архаизмом, как запонки, то сын Саня оказался плечистым качком с наголо бритой головой, взглядом исподлобья и татуированными руками. Увидишь такого – и сразу же захочется перейти на другую сторону улицы, от греха подальше. Но рукопожатие у него было вежливым, мягким, а лексикон – вполне себе культурным.

– Счастье ваших родителей, Александр, зависит от того, как вы сыграете свою роль, – предупредил Михаил первым делом. – Я сейчас изложу вам сценарий, допью свое пиво и уйду, а вы с папой тщательно проработаете все детали. Так, чтобы мама приняла бы все за чистую монету.

Отец и сын синхронно кивнули.

– В прошлую среду днем вас с супругой не было дома? – спросил Михаил, глядя на Олега Александровича.

– Не было, – ответил тот. – Я обычно ухожу в десять и возвращаюсь к шести, если не остаюсь на спектакль, а Маша уезжает раньше. Она каждый день с утра объезжает свои заведения, а потом часов до семи сидит в офисе. Общепит – это ужасно хлопотное дело...

– Хорошо, – перебил Михаил. – Значит в среду днем, когда родители были на работе, вы, Александр, привели домой девушку и имели с ней секс. После секса девушка пошла в душ, но вы забыли дать ей полотенце, поэтому она вытерлась полотенцем вашей мамы. Вы это точно знаете, поскольку она вышла к вам обернув бедра маминым полотенцем. Представили ситуацию?

– А что там представлять? – сказал Олег Александрович. – Это хорошо знакомая ситуация. Саня у нас уже не ребенок и далеко не монах.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Михаил. – Она вышла к вам, обернутая в полотенце и у вас было еще немного приятного, а потом вы начали спешно наводить порядок и вместо того, чтобы кинуть полотенце в стиральную машину, машинально повесили его туда, где оно

обычно висело. А позавчера вы почувствовали дискомфорт при мочеиспускании и увидели выделения из мочеиспускательного канала. Вы поняли, что заразились от той девушки. Что вы ей сказали, придумайте сами, это большого значения не имеет. Важно то, что она сказала вам. «Да, оказывается я больна и уже лечусь, прости меня, за то, что я тебя заразила». Как-то так. А сегодня вы, Александр, узнали от папы, что они с мамой тоже заболели. И вы поняли, что мама заразилась через полотенце, которое использовала ваша подруга. Вам все понятно?

– Да мама меня убьет! – растерянно сказал Саня. – Голову оторвет и на стену повесит...

– Не убьет, – успокоил Михаил. – Матери любят своих детей, особенно – единственных. Максимум, что вам грозит, так это неприятный разговор. А вот у Олега Александровича риски гораздо выше.

– Ну, да, – согласился Саня после недолгого раздумья. – Но ты, папа, будешь мне капитально должен, учти это.

– О чем речь! – развел руками Олег Александрович. – Лишь бы прокатило!

– Если роль будет сыграна хорошо, то прокатит! – обнадежил Михаил.

Прокатило. Утром следующего дня Михаил выслушал рассказ Марии Андреевны о том, как безалаберный сын заразил своих любящих родителей. Олег Александрович сидел рядом и горестно качал головой – ну и дети пошли, прыти много, а мозгов мало!

Благодарность Олега Александровича воплотилась в двадцать зелененьких бумажек с портретом Бенджамина Франклина, литровую бутылку «хенnessи» и обещание «всем буду рассказывать, какой вы замечательный». Последнее порадовало Михаила больше всего, ведь добрая слава дороже любых денег.

Глава пятая. Все первичное вторично, а все вторичное первично

Раз в пять лет врачи должны проходить курсы повышения квалификации. Эти полтора или два месяца большинством врачей воспринимаются как некая разновидность оплачиваемого отпуска. Учиться гораздо легче, чем работать, отношение к курсантам гораздо либеральнее, чем к студентам, да и вообще известно, что смена обстановки – это отдых. У невропатолога Владимирской областной клинической больницы Калашникова отдых получился особо качественным. Калашникова отправили на курсы в Москву, где он остановился у своего однокашника. Однокашник был холостым и вел довольно веселый образ жизни. Калашников старался от него не отставать, повышал не только профессиональную квалификацию, но и амурную.

Дома Калашникова ждала жена Люба, поэтому в последнюю неделю своего пребывания в Москве он благоразумно воздерживался от контактов с женщинами. Пауза носила диагностический характер – если вдруг и подцепил что-нибудь, так лучше узнать об этом до встречи с женой. Тогда можно будет на время лечения уклониться от близости под каким-нибудь благовидным предлогом. А вот если наградишь жену столичным «подарком», то пиши пропало. Люба была верной женой и своего непутевого мужа тоже считала верным, потому что тот умело прятал концы своих интрижек в воду. А верные жены тяжело прощают измены, если вообще прощают. Опять же, в первую встречу с женой после длительной разлуки нужно проявить определенный энтузиазм, а для этого нужно немного изголодаться и подкопить силенок.

Свободные вечера нужно было чем-то скрашивать, вдобавок известно, что алкоголь провоцирует течение воспалительных заболеваний мочеполовых органов, поэтому Калашников со скуки и ради надежности эксперимента каждый вечер хорошенько напивался. Ну а что еще делать гостю в столице? Или гулять, или пить, или совмещать первое со вторым. Легкое недомогание, появившееся у него в день отъезда, Калашников счел последствием обильных возлияний. Благополучно добравшись домой, он показал истосковавшейся Любе «небо в алмазах», поужинал домашними пельменями, на которые Люба была великая мастерица, выпил водочки и заснул спокойным сном человека, у которого все хорошо.

Наутро оказалось, что хорошо далеко не все. Температура подскочила до тридцати девяти с половиной градусов, появился надсадный кашель и такой тревожный симптом, как одышка в состоянии покоя. Люба вызвала «скорую», которая увезла Калашникова в его «родную» областную больницу с диагнозом двусторонней пневмонии. В больнице выяснилось, что пневмония правосторонняя, левое легкое на рентгенограмме было чистым, просто хрипело у Калашникова в груди так сильно, что на слух пораженными казались оба легких.

Заведующий пульмонологическим отделением, в которое положили Калашникова, в своей лечебной деятельности руководствовался двумя принципами: «старый друг лучше новых двух» и «лучшее – враг хорошего». До прихода ответа из лаборатории, в которую помимо крови и мочи отправили также мокроту, чтобы установить возбудителя пневмонии, Калашникову назначили ампициллин. Антибиотик подействовал, состояние пациента стало улучшаться, через полторы недели Калашникова выписали домой, а еще через неделю он вышел на работу, где его основательно заждались.

Дома, то есть – во Владимире, Калашников изменял жене с двумя давними любовницами. Обе были замужем и потому «шифровались» так же старательно, как и он. Общим от Калашникова был нужен только секс, матримониальных видов на него ни одна из любовниц не имела и разводить его с Любой не собиралась. Удобно устроился Калашников – много удовольствия при полном отсутствии осложнений. Однако случилось так, что одна из его любовниц забеременела и взяла тайм-аут, поскольку беременность ее протекала под дамокловым мечом выки-

дыша, а другая сломала ногу, поскользнувшись на мокрых листьях в своем дворе. Такое совпадение сделало Калашникова верным мужем. И вдруг этот верный муж обнаружил на своем члене характерное безболезненное изъязвление, которое называется «твердым шанкром»!

Медицинское образование не располагало к самоуспокоению под предлогами «это я натер» или «это я сам не заметил, как прыщик сковырнул». Не было сомнений в том, что это сифилис, первичный период. О том, что он мог заразиться от Любы, и мысли не возникло. Явно аукнулись московские похождения. Правда с момента последнего «левачка» пошла уже одиннадцатая неделя, но Гугл Всезнающий поведал, что инкубационный период первичной стадии сифилиса в редких случаях может растягиваться до тринадцати недель вместо классических трех.

Шанкр Калашников увидел утром во вторник. На работе он думал не столько о своих пациентах, сколько о том, лечиться самостоятельно или обратиться к венерологу, а также о том, как объяснить жене продолжительное уклонение от исполнения супружеских обязанностей. Но вечером дома его ждал новый сюрприз.

– У меня какая-то странная сыпь появилась, – смущенно призналась Люба. – Вроде бы аллергия, но на что понять не могу. Посмотри, пожалуйста.

Калашников посмотрел и ахнул. Спина, грудь и живот жены были усыпаны мелкими розовыми пятнышками, которые исчезали при надавливании пальцем, но стоило убрать палец, как они появлялись снова. Точно такую же картину он видел на четвертом курсе, во время практических занятий по дерматовенерологии.

– Не чешется? – спросил Калашников на всякий случай.

– Нет, нисколько, – ответила жена. – А что это такое?

– Я тебе тоже кое-что хочу показать, – сказал Калашников, расстегивая ширинку. – Вот эта болячка называется твердым шанкром...

– Твердым шанкром? – растерянно переспросила жена. – У тебя что – сифилис?

– Да! – криво усмехнулся Калашников. – И у тебя, между прочим, тоже. Только у тебя вторичный, относительно давний, а у меня первичный, свежий. Объяснить, кто кого заразил, или ты сама догадаешься?

– Ты хочешь сказать... – голос Любы задрожал, а глаза повлажнели. – Что я... Да как ты можешь... Я никогда ни с кем кроме тебя не спала! Игорь, ты сошел с ума!..

Она спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

В непростой ситуации Калашников повел себя благородно. Сначала обнял рыдающую жену и гладил по голове до тех пор, пока она не перестала плакать. Затем заставил ее выпить рюмку коньяку, потому что никакого другого успокаивающего дома не было. Заодно и сам махнул залпом стакан, потому что с горя ему тоже хотелось повыть в голос – ну как она могла?

– Я все пойму и все прощу, – сказал Калашников, глядя в глаза Любе. – Я уже простил. Нельзя же из-за одной ошибки разрушать жизнь и семью. Я все понимаю, Люба. Меня считай три месяца не было дома, а ты – молодая здоровая женщина, у которой есть... хм... определенные физиологические потребности. Давай поговорим об этом и навсегда забудем. Расскажи мне все, тебе сразу станет легче. А я тебе клянусь, что никогда в жизни не стану попрекать тебя этим. Мы вылечимся, сифилис довольно легко лечится, и забудем эту историю...

– Что мне рассказывать? – всхлипнула Люба. – Потребности у меня есть, но я никогда тебе не изменяла. Если идти на поводу у потребностей, то можно зайти очень далеко... Я не понимаю, где и как я могла заразиться. Может, в столовой? От грязной посуды?

Люба работала бухгалтером в Государственном архиве Владимирской области. В перерыв она обедала в находившемся неподалеку кафе при Центральном рынке. Цены там были низкими и все готовилось из свежих продуктов – сказывалось соседство с рынком.

– Не морочь мне голову! – вспылil Калашников. – Какая, к чертям собачьим, посуда?! Изменила – так имей смелость признаться!

Люба снова разрыдалась.

– Я... никогда... ни с кем... клянусь тебе... это ты... меня... заразил...

Назавтра разговор, в более сдержанной форме, повторился в кабинете Михаила, к которому супруги пришли на прием. Михаил в тот день работал один, без медсестры, лежавшей дома с ангиной. Люба продолжала стоять на своем, а при попытках мужа надавить на нее, сразу же срывалась в плач. Михаил попросил Калашникова посидеть немного в коридоре, а когда тот вышел, мягко сказал:

– Все что вы мне скажете, Любовь Сергеевна, останется между нами. Ваш муж узнает только ту часть информации, которую вы сами решите ему рассказать, так что можете говорить правду. Врачам и адвокатам врать нельзя, себе дороже. Расскажите мне, как вы заразились, и мы попробуем найти приемлемый выход из сложившейся ситуации.

– Да не изменяла я ему никогда! – с отчаянием в голосе выкрикнула Люба. – Понять не могу, где я заразилась! Почему вы мне не верите?! Я же правду говорю, а меня проституткой считают! Мне жить уже не хочется! Вот приду домой – и повешусь! Может, Игорь хоть тогда поймет, что я ни в чем не виновата!

По выражению ее лица чувствовалось, что она и впрямь может наложить на себя руки.

– «Повешусь» – это не выход! – строго сказал Михаил. – Вы...

– А зачем мне жить?! – перебила Люба. – Зачем жить, если единственный близкий мне человек считает меня проституткой...

– Да что вы заладили – «проституткой» да «проституткой»! – рассердился Михаил. – Никто вас такой не считает! Ваш муж ведет себя очень достойно и ни в чем вас не обвиняет. И вообще, если уж на то пошло, то я могу придумать версию, которая поможет вам выпутаться из сложного положения с наименьшими потерями. Вопросы я задаю не из праздного любопытства. Важно понимать, какая связь привела к заражению. Если случайная, однократная, то это одно дело, а если вы заразились от постоянного партнера, то ему тоже надо лечиться, иначе он заразит вас повторно.

– Не было у меня никаких посторонних связей, – тихо, но ожесточенно, сказала Люба, глядя на Михаила и, в то же время, словно бы мимо его. У меня есть муж, которого я очень люблю, и другие мужчины для меня не существуют. Все мои связи были до нашего с Игорем знакомства, и я ему о них рассказала еще до свадьбы. Ну что мне сделать, чтобы вы мне поверили?..

«А ведь не врет! – подумал Михаил, сканируя собеседницу взглядом. – Но если не врет, то откуда у нее сифилис?».

– Не обязательно иметь полноценный половой акт, – сказал он. – Если у больного человека есть язвочки во рту, то заражение возможно и при поцелуе.

– Я ни с кем, кроме мужа, не целовалась! – ответила Люба. – И оральным сексом ни с кем не занималась, чтоб вы знали! Вы не представляете, что для меня значит Игорь и потому не хотите мне верить! Пока он на курсах был, я дни в календаре вычеркивала, дожидаясь его возвращения. Надеюсь, что он будет приезжать на выходных, но у него были дежурства...

– Дежурства? – удивленно переспросил Михаил. – Какие?

Ему ни разу пока еще не доводилось проходить курсы повышения квалификации, но он имел о них представление и знал, что курсанты не дежурят, ну разве что по собственному желанию, а так они занимаются с понедельника по пятницу, с девяти до пятнадцати часов.

– Ну как – какие? – в свою очередь удивилась Люба. – Обычные, в клинике, где Игорь квалификацию повышал. По будням они изучали теорию, а по выходным была практика, на дежурствах. Потом он приехал, провел всего одну ночь дома и лег в больницу... Я места себе не находила. У моей начальницы в позапрошлом году от пневмонии умер племянник, совсем молодой, только-только из армии вернулся и на тебе! Какие тут измены? Я все время думала об Игоре – как он там? Пошел ли на поправку?

– Я бы хотел осмотреть вас еще раз, – сказал Михаил, надевая перчатки. – Разденьтесь, пожалуйста.

Он заново прощупал паховые, подмышечные, шейные и подчелюстные лимфатические узлы, внимательнее прежнего оценивая их размеры. Сильнее всего увеличились паховые лимфоузлы, подмышечные увеличились незначительно, а шейные и подчелюстные не увеличились нисколько. Оценка размера лимфоузлов дает представление о том, через какие «ворота» бледная трепонема проникла в организм. Лимфатические узлы – это своеобразные «фильтры» иммунной системы, которые задерживают возбудителей болезней и пытаются их уничтожить. Чем ближе к месту проникновения инфекции, тем большее количество микробов осядет в узлах и тем сильнее узлы увеличатся. Если самыми крупными оказываются паховые узлы, значит – трепонема попала из одного организма в другой при обычном или анальном половом акте.

– А в ту ночь, перед госпитализацией, у вас был секс с мужем? – спросил Михаил, закончив осмотр.

– Был, – смутилась Люба. – Мы же так соскучились...

«Если не видишь логики в происходящем, то попытайся вывернуть ситуацию наизнанку – и логика появится», учил кто-то из великих детективов. Михаил так и сделал, оттолкнувшись от того, что жена мужу не изменяла. Все сразу же стало ясным, как белый день.

Отправив в коридор Любу, Михаил пригласил в кабинет Калашникова и сразу же озадачил его вопросом:

– В Москве, во время недавней учебы, половые контакты имели?

– Имел, – шепотом ответил Калашников и опасливо покосился на плотно закрытую дверь кабинета.

– С одним человеком или с разными?

Игорь молча показал четыре растопыренных пальца.

– Смотрите, что получилось, – начал объяснять Михаил. – В Москве вы заразились сифилисом. Вернувшись домой, заразили жену и тут же легли в больницу с пневмонией... Чем, кстати, вас там лечили?

– Ампициллином.

– Вот! – удовлетворенно кивнул Михаил. – Заодно с пневмонией вылечили и сифилис. А жену вашу никто не лечил и шанкра во влагалище она не заметила, такое часто случается. Еще Конфуций говорил, что все первичное вторично, а все вторичное первично. У вас сейчас первичный сифилис, но по идее должен был быть вторичный.

– Б...дь! – тихонько выругался Калашников, снова бросив взгляд на дверь. – Все дамы были такими приличными... Поверить не могу!

– От приличных и заражаются, – заметил Михаил. – С неприличными, грязными и прыщавыми никто в здравом уме связываться не будет, поостережется. Супруге правду скажем, Игорь Германович, или придумаем правдоподобную версию бытового заражения?

– Желательно бы версию, – заискивающе сказал Калашников. – Можно сказать, что я во время дежурства делал внутривенную инъекцию и случайно укололся грязной иглой...

– Нельзя строить одну ложь на другой, – возразил Михаил. – А вдруг ваша супруга узнает о том, что курсанты не дежурят? Что тогда? Давайте сделаем иначе. Представим, что в транспорте или на улице рядом с вами внезапно упал человек. Остановка сердечной деятельности и остановка дыхания. Вы оказали ему помощь – дыхание «рот в рот» и непрямой массаж сердца. К сожалению, оживить его не смогли и потому не рассказывали об этом супруге, потому что похвастаться было нечем и вообще вспоминать больно. Как вам такой вариант? Годится?

Калашников молча кивнул.

– Тогда быстро продумывайте детали, чтобы сейчас рассказать супруге. – Михаил пристально посмотрел на Калашникова. – Она у вас очень хорошая, любит вас искренне...

– Я больше не буду, – пообещал Калашников.

Его слова прозвучали по-детски, но искренне.

Любящая жена поверила в то, что ей рассказал любимый муж. Снова расплакалась, но на сей раз это были слезы облегчения, а из кабинета вышла с улыбкой на раскрасневшемся лице. «Какая хорошая у меня работа! – порадовался Михаил, наблюдая за супругами в окно. – Не только лечу, но и еще кое-что полезное делаю...».

По завершении лечения Михаил получил от Калашникова не только конверт с «благодарностью», но и приглашение на воскресный обед. Это было первое приглашение в гости, полученное доктором Зубковым от пациентов. Угощали его по-царски – гусем, фаршированным гречкой с грибами и блинчиками с разными начинками. На медовик, который был подан к чаю, Михаил мог только смотреть, не более того.

Под гуся хозяева рассказали о том, что старинная русская кухня была возрождена во Владимире в конце шестидесятых годов прошлого века. Когда был создан туристический маршрут, известный под названием Золотого кольца, начальник треста столовых города Владимира решил составить сборник рецептов старинных блюд, адаптированных к современным условиям. Так в советских заведениях общепита появились сбитни, щучьи котлеты, томленные каши и прочие яства давно минувших дней.

– Если какая неврологическая проблема возникнет или что-то в нашей «областухе» понадобится – звони в любое время, – сказал на прощанье Калашников. – Сделаем все в лучшем виде.

– Спасибо, буду иметь в виду, – ответил Михаил. – Правила приличия предписывают мне сделать ответное предложение, но я скажу иначе – лучше мы будем за столом встречаться, чем в моем кабинете.

– Я к вам шла, как на расстрел, – вспомнила Люба, пока еще не перешедшая с Михаилом на «ты». – Меня от одного слова «диспансер» в дрожь бросало. Кстати, а почему у вас диспансер, а не поликлиника и не больница?

– Потому что у нас часть пациентов ставится на учет с целью последующего наблюдения, – ответил Михаил. – Хотя в наше время от этого практически ничего не осталось.

Глава шестая. Гипердиагностика

Некоторые пациенты убивали наповал своей болтливостью.

Михаил считал себя общительным человеком, однако тех, кто трывдит безостановочно, не любил – утомляли до головной боли. Но ничего не поделаешь, врач должен относиться к индивидуальным чертам пациентов с пониманием.

– Вообще-то я у Феофилактова наблюдаюсь, но он заболел, так что регистратура направила к вам...

Этого можно было и не говорить. О том, что Феофилакт заболел, Михаил знал со вчерашнего дня, а у кого из коллег наблюдается пациент видно по записям в амбулаторной карте. И диагноз там указан, и дата заболевания, и назначенное лечение, так что совершенно незачем рассказывать врачу о том, что после обращения к врачу четвертого числа у тебя были диагностированы сифилис и гонорея. Гонорее уже вылечили, добиваем оставшихся в организме трепонем. И вообще, с врачом на приеме нужно общаться, как со следователем на допросе – поздоровайся и отвечай на вопросы. Врач лучше знает, какая информация ему нужна.

– У меня это, можно сказать, профессиональное заболевание... – тараторил пациент по фамилии Прищепа. – Не в том смысле, что я занимаюсь проституцией, Боже упаси! Я занимаюсь бизнесом...

«Проституция – это тоже бизнес», подумал Михаил, но вслух не произнес; не хотелось подливать масла в огонь красноречия своими комментариями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.